

Борис Инфантьев

Эдвардс Вулфс. «Придорожник»

Во всей латышской литературе вряд ли найдется второй такой «русский» писатель, как Эдвардс Вулфс (1886–1919). Читаешь его рассказы и диву даешься, кто бы мог подумать, что их написал не русский писатель?

Большую часть своей жизни писатель провел в Латвии (в сельской местности Земгалии, в Елгаве, Риге) и только 3 года – вне ее пределов (один год в Москве, один – на Кавказе, один – в Петербурге). Однако его учитель – «обруситель», сумел привить ему такой интерес и любовь к русской литературе, что будущий латышский драматург, прозаик, поэт и театральный критик первые свои стихи пишет по-русски.

Эдвардс Вулфс глубоко и талантливо проникся в самые сокровенные уголки души русского человека. И потому смог постичь этнопсихологические особенности русского простого человека, оказавшегося волею судьбы где-то там, на глухой, забытой Богом и людьми станции, где нового, живого человека увидишь разве что раз в два или три года. И безысходным томлением, жадной чьего-то нового, непостижимого проникнуты все эти непонятно для чего существующие людские судьбы.

«Придорожник», на наш взгляд, – одно из наиболее типичных произведений этого писателя.

* * *

Придорожник на этой станции служил уже лет десять. Он не был никаким важным чиновником, нет, он даже не принадлежал к тем, которых уважительно приветствует большая часть станционного персонала. Он принадлежал к тем работникам станции, у которых нет определенной работы, которых используют и там, и сям, давая различные поручения. Почти уже два года Придорожник стоял на одном и том же месте, неподалеку от станционного колокола. Иногда ему поручали контролировать на платформе билеты выходящих пассажиров, но по большей части в его задачи входило «присутствовать на контроле». Зачем это было нужно – этого не знал ни он сам, ни, кажется, те, которые ему эту необычную работу поручили. На больших станциях так много служащих, что, рационально используя рабочую силу, можно было бы навести идеальный порядок. Но такой порядок у нас, как известно, нигде не находим.

Когда пробиватель билетов Придорожнику говорил:

– Не разрешай публике скапливаться, – Придорожник в ответ повторял, – Не скапливаться!

– Когда пробиватель билетов выкрикивал, – Всем встать в очередь! – Придорожник повторял, – Стать в очередь!

Однажды один высокий железнодорожный чиновник, который с целью ревизии посетил линию, обратился к Придорожнику с вопросом, с какой платформы отходит его поезд, Придорожник, приложив руку к шапке, ясно и смело ответил:

– С пятой, ваше превосходительство!

– Во сколько? – еще спросил высокий чиновник.

– В семь двадцать пять минут, ваше превосходительство.

– А в Варановичи?

– В Варановичи отходит в восемь сорок девять, ваше превосходительство!

Этот простой, но определенный ответ, а также учет чинов на превосходительство, приятно удивил высокого железнодорожного чиновника, и он высказал начальнику станции комплимент:

– Это очень похвальная установка, что у платформы стоит хорошо информированный служащий, который способен пассажирам давать о поездах пояснения.

Начальник станции такого поручения Придорожнику до сего дня не давал, но похвала его превосходительства ему так понравилась. В результате, жизненная тропка Придорожника была определена на все время стояния у большого колокола для «информирования» пассажиров!.. И для этих целей в помещении станции было организовано «особое бюро», а то, что новая обязанность Придорожника совершенно излишня, об этом никто не подумал. Превосходительство признало его хорошим и нужным – и так оно должно было оставаться.

Публика также со временем как бы подхватила новую должность Придорожника, и он теперь не успевал рапортовать:

– В семь тридцать, в восемь одиннадцать, с третьего, с седьмого, через Курск, через Тверь...

И так целый день, как заведенный аппарат. А к вечеру его голова ломилась от шума и нескончаемых вопросов. Когда часы показывали восемь, он шел домой, чтобы с шести утра быть опять на месте. Ночью его место оказывалось пустым, хотя поезда так же приходили и уходили. А то, что если уж дело Придорожника такое важное и ему ночью необходим был заместитель в станционной суматохе, об этом отупевшее начальство не успело подумать. Это было бы «нововведением», и на таковое оно редко способно. Для чего Придорожник стоял до восьми, а не до девяти, почему приходил в шесть, а не в семь, – этого никто не знал. Так оно было заведено и так оно шло. И если иногда он приходил на пятнадцать минут позже, то «благодарные души» успевали сообщить об этом начальству:

– Часы уже после шести, а Придорожника еще нет!

И Придорожник получал выговор.

У всех служащих станции были свои «жизненные интересы»: свои магазинчики, свои чаевые, свои интриги и свои злословия. Только не у Придорожника. Никто ему не завидовал из-за его «легкой службы», ни с одним у него не было недоразумений из-за чаевых, ибо кто же дает чаевые за то, что сказано, с какой платформы отходит его поезд? Так Придорожник и жил на свои тридцать рублей в месяц, снимая комнату на окраине города на самом чердаке, за пять рублей в месяц. Накопить он не мог и не хотел. Если оставалась какая-нибудь мелочь в конце месяца, тогда раздумывал:

– Завтра, послезавтра получу жалование, в кармане еще три лишних рубля, куплю себе какую-нибудь мелочь...

И он покупал какую-нибудь мелочь – себе новый галстук или детям хозяйки какую-нибудь игрушку. Дети поэтому его очень любили и называли «дядя Игнат...» Эти дети хозяйки были единственной «точкой преткновения» у Придорожника. Только редко он мог с ними быть вместе: когда в девять приходил домой, дети уже обычно спали, а с утра около пяти Придорожник уже опять выходил из дома. Воскресений у него не было, ибо и в воскресенье публика хотела знать, с какой платформы отходят поезда в Марановичи или Парановичи.

Товарищи по работе с Придорожником не общались. Они его считали лишним человеком, смеялись над ним. Кое-кто шутики ради, проходя мимо, ронял расхожую фразу:

– Стоит Придорожник у дороги! – Усмехались и уходили. Это была такая игра слов. Придорожник не смеялся и не сердился. Шутки проходили мимо его ушей, как все остальные, как многие звуки станции.

Да. Это дело с именем этого человека по-своему интересно. Он его не унаследовал от отца. Придорожник – это было выдуманное имя.

Дело в том, что ни отца, ни матери Придорожник не знал. Его, недельного ребенка, железнодорожные служащие нашли в корзинке, завернутого и положенного у обочины железнодорожного вала. Нашли и отдали начальству. Начальство решило принять «железнодорожным ребенком», – то есть вырастить на средства железной дороги.

Так ребенок был отдан на воспитание жене одного железнодорожного смазчика. Жене за это платили несколько рублей в месяц, и она, желая на этом деле заработать, держала своего воспитанника по большей части впроголодь и весьма бедно одетым.

Обычно такие «дети учреждений» (такие имеются, например, и в военных полках – без отца, без матери, по большей части найденные во вражеской стране и поднятые из жалости солдатами на дороге) содержатся с любовью; о них заботятся, чтобы они вышли в люди, – вся корпорация ими горда. С Придорожником было все по-другому.

Железнодорожное начальство ввело в список расходов новый пункт – для воспитания «железнодорожного ребенка» столько-то и столько-то рублей в месяц. И так это шло лет пятнадцать. Жена смазчика регулярно получала свои месячные деньги, и чем больше становился Придорожник, тем хуже становилась для него жизнь

под опекой его воспитательницы. Наконец, когда Придорожник начал свой шестнадцатый год жизни, его отец-воспитатель нашел, что он сам теперь может заработать, и определил его на место при багажных весах, – оттуда он ушел только усатым юношей, став на платформу.

А так как у найденного ребенка имени не было и так как он был найден при дороге, то его вписали в книги как Придорожника. И так как отец-воспитатель был смазчиком, в день крестин вдруг нашел, что маленький пискляк неизвестно почему похож на его дядю Игната, пьяницу-сапожника, то и ребенка окрестил Игнатом, и в дополнение прибавили еще Игнат Игнатьевич Придорожник.

В доме своих воспитателей Придорожник не видел ни любви, ни внимания. Он мог ходить, куда только хочет, – никто ничего о том не говорил. Только штаны или камзол нельзя было разодрать. Когда раздирал, получал взбучку. Мальчики его называли Кустарником, желая подчеркнуть, что он продукт «кустарной любви». Придорожнику это было безразлично. Но когда мальчишки, зная строгость воспитателей, иногда нарочно обливали его штаны чернилами, Придорожник стискивал зубы и дрался кулаками во все стороны. Кулаки у него были костлявые, кости большие, и кого они задевали, тому было больно. Поэтому Придорожника многие боялись, а еще больше – ненавидели.

Свое жалование, заработанное в первые годы, Придорожник отдавал своим воспитателям. Но они по этой причине не относились к нему лучше, хотя плата за содержание для них теперь получалась двойная: вспомоществование от правления железной дороги они получали по-прежнему. Так это продолжалось три года, пока какой-то ревизор, просматривая статьи расходов, не натолкнулся на счет – «ребенок железной дороги».

– Сколько ему лет? – спросил ревизор присутствовавшего чиновника. Тот стал считать и насчитал восемнадцать.

– И получает еще пособие? – удивился ревизор.

– Кажется, – сказал присутствующий чиновник.

Ревизор, обнаружив пункт, к которому можно привязаться, усмехнулся.

– Может, больше нет в живых?

– Не знаю, – отвечал немного смутившийся чиновник...

– Беспорядок! – строго сказал ревизор и в книге что-то вычеркнул.

После этого Придорожнику в семье его воспитателей пришлось еще хуже, несмотря на то, что он весь свой заработок, увеличившийся теперь на десять рублей, отдавал своим «воспитателям». В один прекрасный день Придорожник в келью своих «благодетелей» больше не вернулся.

Через три дня его, работающего на станции, смазчик отыскал.

– Где ты пропадаешь? – строго спросил он Придорожника.

– Не пропадаю, живу... – равнодушно ответил тот.

– Где живешь?

– В своей комнате.

Этот ответ был столь определенным и прямым, что смазчик выпучил глаза.

– Это благодарность за наше попечение! – сказал он, показывая себя оскорбленным, хотя сам хорошо знал и чувствовал, какие это попечения были.

Очевидно, он ждал, что вечно молчаливый сразу начнет говорить, упрекать и сердиться. В уме смазчика уже рождался осуждающе-жалостливый ответ, но Придорожник оставался спокойным и, как всегда, равнодушно отвечал:

– Весь век нельзя вместе жить!..

Смазчик только развел руками и ушел. А Придорожник каждый вечер измерял долгую дорогу до нового места жительства – к предместью, на самом чердаке, за пять рублей в месяц.

Шли годы. Прошло пять, шесть, восемь лет. Придорожник оставался один. Мучимый одиночеством, он мог бы найти выход, женившись. Но он привык жить один с детства, так и жил дальше. Женщины на него не бросались, ибо его внешность – узковатое лицо с широким носом и глубоко сидящими глазами, несколько согбенная спина и большие костлявые руки и ноги, – не могла прекрасный пол воспламенить. А сам отыскивать женщин и к ним подлаживаться не хотел. К молодым он чувствовал только что-то вроде раздражения, когда видел, что иным они улыбались, а ему, проходя мимо, посылали равнодушный взгляд. Симпатии Придорожник испытывал только к старым женщинам – они были для него мамы. Это были чувства ребенка к матери, которых в свое время он не испытал.

Однажды он познакомился со старой продавщицей яблок. Она каждое утро носила на станцию чиновникам яблоки или апельсины. Остановившись на платформе неподалеку от того места, где стоял Придорожник, разбиралась в своей корзине и иногда посматривала на Придорожника. Она, очевидно, хотела с ним говорить, сказать что-нибудь хорошее, но так как у нее язык был парализован, ничего из этого не получалось. Только иногда выходила какая-нибудь несвязная фраза, например: «Сто...ит... ми...лый?».

Видя, что напрасно трудиться с разговором, старуха улыбалась и махала рукой. Когда у нее спрашивали, сколько стоит яблоко или апельсин, она показывала на пальцах. Несмотря на такую неразговорчивость, к старухе Придорожник все же привык, к тому, что она каждое утро приходила к платформе и садилась со своей корзиной. Когда в какой-либо день она не появлялась, Придорожник чувствовал себя так, как если бы у него чего-нибудь не хватало, и на другой день обычно спрашивал: «Ну, где вчера вы были, бабушка?».

Старуха обычно указывала на свое больное горло и беспомощно махала рукой.

Однажды в начале месяца, нащупав в кармане оставшиеся три рубля, Придорожник начал думать, что он мог бы купить, чтобы себе или кому-то другому сделать радость. Обдумав, он пришел к убеждению, что для него самого ничего не нужно. Хозяйским детям и так уже достаточно подарено, и дело дошло уже до того, что хозяйка эти подарки начинает рассматривать как обязанность. У него появилась мысль, как было бы хорошо, если бы он одарил больную старуху. У нее такой рваный платок, холодно, очевидно. Придорожник зашел в магазин и купил за три рубля полушерстяной платок. На

другой день он завернул платок в бумагу, чтобы товарищи не видели, что он несет, и не начали навязчиво интересоваться. На станции, дождавшись удобного случая, он подошел к старухе и положил платок ей на колени. Она с удивлением посмотрела и не знала, что сказать.

– Вам, вам, бабушка, – успокаивал ее Придорожник.

Но старуха не понимала. Она раскрыла рот и на этот раз ясно, без запинок смогла высказать: «За что же мне?».

– Так, просто, – ответил Придорожник, – дарю... Носите на здоровье. Вам же холодно.

У старухи на каждой щеке появилось большие слезинки. Она погладила платок, слабыми руками перекрестилась и покрыла подарком плечи. Затем она протянула Придорожнику два яблока: «Бе-ри, я не та-кая», – шептала она и Придорожнику казалось: ей жаль, что не она была первой дарительницей, что она была столь скупой, что ни разу ему не дала ни яблочка, а он, смотри, какой подарок предложил.

В этот момент и Придорожник, и больная старуха прониклись друг к другу таким взаимопониманием, как ни к одному человеку до этого не проникались.

На другой день старуха подошла к Придорожнику и передала ему что-то белое, завернутое в бумагу, показывая знаками, что он не должен отказаться это принять. Придорожник развернул бумажку. В ней был портрет молодого еще человека в синей рубашке и длинных сапогах. Старуха зорко следила за ним, и когда Придорожник бросил на нее вопросительный взгляд, выдохнула: «С-ы-н-о-к м-о-й».

– Ваш сын, бабушка?

Старуха утвердительно кивала головой и затем показала рукой на землю. Железнодорожник сначала не понял, что это означало, но затем догадался: «Умер?»

Старуха опять покачала головой и вытерла рукой глаза. Она, надо полагать, хотела Придорожнику отплатить тем, что для нее было самое дорогое. Но Придорожник не мог принять такой дорогой подарок, это же была единственная старухина радость, холодная картинка. Он отдал ее обратно, сказав:

– Храните, бабушка. Эта картинка для вас дороже, чем для меня. Это не тот подарок, за который можно отплатить за полученный платок. А я хотел вас одарить. Нет, берите, держите, нельзя такую память выпускать из рук.

Он положил портрет старухе на колени. Подошел поезд, и их разговор был прекращен.

Скоро после того старуха больше не появлялась. Придорожник больше ее никогда не видел. Когда ее место заняла другая – злая и вздорная спорщица – Придорожник узнал, что старуха умерла. С этой заменительницей Придорожник ни в какие разговоры не вступал.

Один случай все-таки был в жизни Придорожника, когда у него появились особые чувства к женщине. На станционной кухне была прислуга, Маша, человек без красоты, но весьма живая. Одно окно кухни из помещения погреба выходило в сторону платформы. Там содержатель кухни устраивал кладовую, и Придорожник, на своем месте стоя, видел, что там происходит. Маша часто орудовала по кладовой, распевала и иногда бросала

взгляд через окно, улыбалась Придорожнику. Придорожник привык смотреть в кладовую, и ему казалось, что Маша улыбается все откровеннее. Он даже хотел как-то с ней заговорить, но не хватало храбрости. Было и такое, вроде недоверия, казалось, девушка дразнит его просто так. Но однажды все же разговор состоялся. Маша хотела открыть окно кладовой, – окошко было как раз под краем платформы.

– Это не будет хорошо, – собравшись с духом, сказал Придорожник.

– Что не будет хорошо? – улыбнулась Маша.

– С этим окошком...

– Почему?

– Видите... Публика бросает окурки и спички на землю... то может попасть...

– Пусть падает на поле хозяина, – ответила Маша и с улыбкой добавила, – какой заботливый...

Она открыла окошко и начала распевать: «Не скажу, кого люблю».

Придорожник смотрел через окно и чувствовал, что сердце у него начинает так приятно шевелиться. И в тот самый момент ему пришло на ум, что совсем не так неприятно стоять на платформе у большого колокола. Теперь по утрам, отправляясь на работу, он больше не чувствовал такого равнодушия, как раньше: идти или не идти. Теперь его шаги были крепки. Было такое чувство, что там, на станции, есть что-то такое, ради чего стоит идти туда.

Маша распевала целыми днями. Распевала и поглядывала на Придорожника. Он смотрел на нее и улыбался. Иногда бросал по словечку, но набор его слов был очень ограничен. Может быть, и не совсем так, но эти настоящие слова неизвестно почему хранились где-то глубоко и не выходили наружу.

Со временем Придорожник заметил, что пение Маши становится замедленным, а взгляды более холодными. Смотрит она на Придорожника и как бы что-то не понимает. Иногда роняет какой-нибудь нож или ложку с таким шумом, как будто кто-то ее рассердил. Этого Придорожник не понимал – ему ведь было так хорошо. Однажды Маша быстро подошла к окну, и когда Придорожник только встал на свое место, закрыла его.

Придорожник не мог удержаться и спросил:

– Почему вы так?

– Как, так? – сердито ответила Маша.

– Почему же окно не может быть открытым?

– Всякие рожи видны, – отрезала Маша и закрыла окно.

Придорожник не знал, относится ли это высказывание к нему или к мимо идущей публике. Так как в тот день было особенно скучно и поскольку он начинал сомневаться, будет ли Маша вообще открывать окно, он решил с ней об этом поговорить. Может быть, и не совсем об этом вопросе, но так, вообще: вот живут люди так долго на станции вместе и никогда ни о чем серьезном не говорят.

Маша, когда у нее не было ночного дежурства, шла домой около половины девятого. Работа Придорожника оканчивалась в восемь. Он и решил Машу эти полчаса подождать. Ходил вечером по двору и ждал. Да, Маша вышла. Накинув на плечи платок, несла в руках какой-то сверток.

Она увидела Придорожника и так, наполовину радостно, наполовину зубоскала, спросила:

– Кого вы ожидаете?

– Так, прогуливаюсь... Хотел идти домой.

– Ну, идите на здоровье...

– Нам, как говорится, не по дороге. Но, смотрю, у вас тяжелая ноша. Так может, могу помочь... – несколько смутившись, заметил Придорожник.

– Ах, что там... как-нибудь я сама... – возразила Маша

– Ах, почему же... руки мужчины ведь... в отношении силы...

Придорожник взял у нее сверток, и они начали идти по улице.

– Это мне не нравится, что вы сегодня утром окно так закрыли... – начал Придорожник.

– Не нравится?... Что вам до этого? – Маша, казалось, удивилась.

– Так... Привык смотреть...

– Да ну! Разве же у нас в кухне такие чудачки? – иронизировала Маша.

– Нет, я не о том... Но некоторые личности...

– Вы, верно, об Агафье?

– Нет, при чем тут Агафья?

– Да, да – Агафья очень фигурная... – играла в наивность Маша.

– Я не об Агафье, – ответил Придорожник, – та уже личность в годах.

– Ах, так Липка вам нравится, как же, как же... вот еще почитатель Липки... Ха-ха! – смеялась Маша.

– Ах, что вы, – раздраженно сказал Придорожник, сердясь на то, что Маша не хочет его понять, – Липка – девчонка с несоответственным характером. О Липке у меня ни одной мысли...

– Ну, так я уж буду эта виноватая? – остановилась Маша и, как бы играя, выпучила глаза.

Придорожник улыбнулся

– Мне кажется, это было бы нетрудно понять.

– Я этого не ждала, я этого не ждала, – представляясь удивленной, махала головой Маша. – Так что же у меня нашли такого привлекательного?

– Ах, Марья, отчества не знаю...

– Григорьевна.

– Ах, Марья Григорьевна. Я не художник, чтобы мог вас нарисовать... Но, как говорится, вы ведь женщина, которая нравится, и вот мне хочется вас видеть и поблагодарить.

– Поблагодарить? За что же?

– За то, что у вас такое любезное лицо.

– Ах, за любезное лицо. Ха-ха. Это же не от меня... Как говорится, от самого создателя.

– Ну, а я так думаю, какое у человека сердце, такое и его лицо.

Маша, казалось, была очень польщена.

Понемногу разговор у них пошел по рельсам и Придорожник сам удивлялся, откуда у него эти слова появляются. Он узнал, что Маша не здешняя, что она из Тулы, что здесь у нее живет сестра матери, которая и устроила ее на станцию. Придорожник в свою очередь рассказал Маше ход своей жизни, и это Машу очень заинтересовало. Она не знала, что Придорожник – подкидыш.

– Значит, у вас нет ни одного родственника? – удивилась она.

– Ни одного единого!.. Я один, как Божье дерево...

– Ну, куда же вы деваете деньги, которые зарабатываете?

– Ах, какие у нас деньги, – отвечал Придорожник, – умереть с голода нельзя, но чтобы были какие-то капиталы, тоже нельзя сказать.

– Что вы говорите? – хитровато улынулась Маша, – верно, свои сбережения в железнодорожной кассе держите?

Придорожник и не пытался ее убедить, что это не так. Ему льстило, что Маша его считает зажиточным человеком.

До жилища Маши (она жила у сестры матери) был довольно долгий путь, но Придорожник и не заметил, как этот путь был пройден.

Расставаясь, Маша сказала, что она пригласила бы Придорожника как-нибудь зайти, но сестра ее матери очень строгая женщина: сразу спрашивает у нее, кто это такой и чего хочет. И всегда добавляет: «Если не суженый, то уж лучше пусть не приходит. Сама она это ни во что не ставит, но самому Придорожнику будет не особенно удобно в обществе такой женщины. Лучше встречаться так, по дороге домой.

Придорожник с этим вполне согласился. Ему действительно очень не нравилось ходить по чужим людям.

Протягивая руку, Маша смеялась и говорила:

– Ах, так вы хотите меня отблагодарить... за приятное лицо! Ха-ха-ха! Какой вы смешной! Благодарить за приятное лицо!.. Получается так, что вы хотели бы мне что-то подарить! Ну, прощайте!..

На последнюю фразу Придорожник ничего не ответил, не обратил на нее никакого внимания. Но, оставшись один, шагая домой, он вспомнил эту фразу и подумал: «Почему это она так... об этом подарке.. при первой встрече? Почему она сразу думает, что я хочу ей что-то подарить?». Но затем Придорожник решил, что нет смысла такой фразе придавать серьезное значение: по видимому, она это высказала так, между прочим, и ничего этим не хотела сказать.

В приподнятом настроении Придорожник пришел домой. Он чувствовал себя вроде более значительным, гордился собой и думал: «Теперь я полный человек, у меня больше нет недостатков, даже свой «предмет сердца» имеется».

В последующие дни, когда он становился на свое место на станции, Маша всегда к нему обращалась:

– Игнат Игнатьевич, а?

– Доброе утро, Марья Григорьевна, – отвечал Придорожник, прикладывая руку к козырьку.

Он смотрел на ее полное, радостное лицо и на сердце у него становилось светло и тепло. И тогда Маша поворачивалась к нему спиной, он видел, как шевелятся ее сильные плечи и полные, обнаженные до локтей, руки.

Пришло двадцать пятое число месяца. Игнат получил жалование и, укладывая его в кошелек, нашел там еще три рубля шестьдесят копеек. Это был остаток прошлого месяца. И сразу он вспомнил фразу Маши о подарках. Пришло это на ум, и появилось желание его

исполнить. Да, действительно, почему бы ему не сделать ей подарок? Это же в его природе. Он привык дарить детям хозяйки, сделал подарок той старухе. Разве Маша хуже их? Ведь так приятно доставлять людям радость. К тому же, если этот человек такой, к которому привязано сердце, тогда дарильщик чувствует себя счастливее самого одариваемого.

Только Придорожник не знал, что такой молодой девице дарить. Какой-нибудь гребешок – или это не ценный подарок? Надо было что-нибудь из одежды. Так, например, старуха испытывала большую радость, получив в подарок платок. Да, такой платок – хорошая вещь, и Маша как практичная женщина, сумеет такой подарок оценить. Только платок не должен быть таким, как для той старухи – для холода.

Придорожник сразу после работы зашел в ближайший магазин и купил платок. Заплатил четыре с половиной рубля. Взяв под мышку дорогую ношу, он ждал в станционном дворе Машу. И Маша пришла. Она сразу же обратила внимание на сверток Придорожника:

– Что это у вас там, Игнат Игнатович?

– Отгадайте...

– Ну, как я могу отгадать?

– Женская вещь...

Маша потрогала:

– Вроде платок...

– Отгадали...

– Ну, вот, а вы говорите, что у вас нет ни одного родственника.

– И впрямь нет. Но разве только родственникам можно дарить?

Маша неопределенно покачала головой:

– Как это понимать?

– А если бы этот платок был вам?

– Что вы говорите?

Придорожник передал ей сверток и просто сказал: «Носите на здоровье».

Маша взяла сверток и усмехнулась: «Спасибо!.. За любезное лицо?.. Ха-ха!.. Я вам тогда-то высказалась... Вам не следовало так это принять!..»

Ей, казалось, стало стыдно. Но Придорожник был счастлив.

Маша развернула бумагу, пощупала платок и сказала: «Шелковый?..»

Придорожник не знал, что на это сказать. Ему платок понравился, и он его купил. Из какого материала этот платок, об этом Придорожник забыл у продавца спросить.

Но Маша уже высказала свои мысли: «Кажется, полушелковый!..»

«Почему она это говорит, – подумал Придорожник. – Коли подарок приятен и получен от приятного человека, то ведь безразлично, из какого материала он сделан».

Об этом предмете они больше не разговаривали. Они расстались очень веселыми, только Маша была сегодня чересчур насмешливой. Придорожник это ей в вину не поставил: это так соответствовало ее природе.

Шел день за днем. Один как другой. Но Придорожник лучшего не хотел.

Однажды при встрече Маша Придорожнику со слезами на глазах рассказала, что сестра ее матери подаренный платок отобрала.

– Как так – отобрала? – удивился Придорожник.

– Ну, так просто: вырвала из рук и сказала: «Это мне сгодится лучше, чем тебе...» Она всегда такая... Она у меня все отбирает... Свое жалование я все не получаю, половина достается ей!.. Она говорит, что меня в то место устроила, и что вообще моя мама ей во многом должна быть благодарна и – отбирает все...

Придорожник рассердился на злую сестру матери и стал жалеть Машу. Он ее успокаивал и говорил, что теперь ей что-нибудь подарит. А если сестра матери и это отнимет, то он сам пойдет с ней поговорить, и вообще скажет что-нибудь такое, что у нее рот откроется от удивления.

Придорожник так хитро посмотрел на Машу. У нее опять лицо прояснилось, и она согласилась: так будет правильно.

На другой день Придорожник купил Маше шаль, заплатив за нее семь рублей. Шаль была исключительно красивой. Маша очень радовалась, но Придорожник должен теперь быть немного экономнее – эти семь рублей сделали существенный пробел в его бюджете.

Отношения Придорожника с Машей становились все интимнее. Они знали, что один от другого желает. Однажды Маша, когда они проходили мимо пустого молочного магазина, заикнулась, что она всегда мечтала стать «купчихой». Это чистая работа, не такая, как на кухне. Были бы деньги. Вот если можно было бы сложиться с каким-либо человеком, у которого немного денег скопилось. Придорожник на это заметил, что ничего нет хуже железнодорожной службы, и что он тоже не был бы против стать хозяином самого себя, только где взять те деньги? И занять не у кого.

Маша мрачно на него посмотрела.

Однажды к вечеру Маша выбежала к Придорожнику на платформу. Она была совсем опечалена. Получила письмо от матери. Она заболела и осталась без каких-либо средств. Просит, чтобы прислала деньги, но у нее самой нет ни копейки. У Придорожника защемило сердце: как бы ей помочь?..

– Много нужно денег? – он спросил.

– Нужно так рублей двадцать, – отвечала Маша.

Придорожник знал, что у него осталось всего лишь девять рублей.

– Плохо, плохо, – сетовала она.

– Я вам, Марья Григорьевна, теперь могу дать только восемь рублей. До двадцатого – семь дней, тогда я смогу вам дать больше...

– Ну, ничего не поделаешь, – печально ответила Маша. И взяла те восемь рублей.

Придорожник семь дней должен был оставаться с одним рублем.

– Как тяжело этим женщинам, – думал он, – все их обижают... И работа у них часто более тяжелая, чем у мужчин.

Он решил поговорить с Машей – что получилось бы, если бы они соединили свои силы? Но в тот день не получилось, и в следующий она была такая занятая.

Однажды вечером хозяйка квартиры Придорожника вошла к нему и сказала:

– Хочу с вами, Игнат Игнатович, поговорить так, от чистого сердца...

Придорожник осведомился, что же хочется рассказать? И хозяйка начала рассказывать длинно и широко, – и о том, и о другом, пока, наконец, дошла до настоящего дела.

– Вижу я, Игнат Игнатович, что вы такой особенный стали. Прежде всего, скажем, выглядите хуже. Ну, думаю: это ничего... На кого не нападают различные хвори... Но, смотрю, и в других делах вы изменились. Ни поговорить по душам, ничего... Вот, раньше замечали наших детей, иногда вспоминали... Разве я об этом?.. Я про это ничего: вы же такой богатей... От чужого добра никогда жирным не станешь... Но когда в последнее время я заметила, что вы и к себе стали скупым – в отношении еды и одежды, – то я подумала: там что-то не так... И как я думала, так оно и есть!.. В тот день иду по улице, вижу – идет мой Игнат Игнатович с какой-то женщиной и так все улыбается, все улыбается. И в глаза так смотрит – как голубок голубке... Я в уме порадовалась. Это хорошо. Время уже, время уже!.. Мир этот так уж устроен, что ни женщина без мужчины, ни мужчина без женщины не может двигаться... И когда уже в те годы, так в полном порядке, можно сказать только: в добрый час, успеха вам! Разве не так, Игнат Игнатович?

Придорожник улыбнулся:

– Может быть вы и правы, Фекла Демидовна... Скажу вам откровенно: действительно, есть у меня такая мысль – о женитьбе...

– Вот видите... Вот видите, – живо согласилась Фекла Демидовна, – как я умею читать в душах человеческих... Ну, и вот, когда увидела вас вместе с таким милым созданием, подумала: я же должна видеть, что это за такая с моим Игнатом Игнатовичем...

Она умолкла

– Ну, ну, что же вы увидели? – просто спросил Придорожник.

– Увидела то, что не хотела бы видеть, – вздохнула Фекла Демидовна.

Придорожник выпучил глаза.

– Мой любимый голубчик, золотой Игнат Игнатович, – как криво вы выстрелили, как криво...

Придорожник сердито повел бровями.

– Я смотрела, – продолжала Фекла Демидовна, – и своим глазам не верила? Это же Машка Ермолаева... Боже ты мой – кто же ее не знает...

– В каком смысле? – заволновался Придорожник.

– В том смысле, что она же последняя охотница за парнями!.. Кто ей попадается в лапы, тот обстригается догола и прогоняется!.. Сколько таких у нее уже было... Кто такой, более смелый, тот получает еще от нее свою мужскую долю, а кто боязливый, тот уходит таким, каким пришел.

Придорожник рассердился:

– Фекла Демидовна, если вы какого человека не знаете...

– Боже ты мой... Так разве я вам вздор буду рассказывать?.. Спросите Ваньку-слесаря, если не верите... Тот тоже через ее школу прошел... Ну, и скажите: разве и от вас ей что-нибудь не перепало?.. Это она умеет... Скажите правду – я же только добра желаю.

Придорожник задумался. Он вспомнил тот платок, шаль и те восемь рублей для матери. Выходит так, как

будто совпадает со словами Феклы Демидовны. Но разве такое может быть? Это же было бы совсем ужасно признаться Фекле Демидовне, что Маше от него перепаало.

– Вы ошибаетесь, Фекла Демидовна, – резко сказал он, – я не такой дурак, которого можно за нос водить. И вообще, мне об этом деле не нравится говорить!.. Если у вас нет ничего, что мне говорить, то...

Фекла Демидовна чувствовала себя обиженной:

– Как хотите, как хотите... Я никому со своим мягким сердцем не навязываюсь... Пусть Бог даст, чтобы с вами это дело было иначе, чем с другими... Как хотите...

Она встала и вышла из комнаты.

Придорожник был совсем убит. Его прямой, честный разум не мог ужиться с мыслью, что Маша была обманщицей. Он продумывал свои разговоры с ней, но горечь разочарования оставалась. Не придя ни к какому определенному выводу, он все же решил за Машей последить. Может быть, даже поговорить с Ванькой-слесарем.

Важное открытие пришло уже на следующий день, без особых усилий со стороны Придорожника. Он, по обычаю, ждал Машу во дворе. Но Маша не приходила. Часы показывали уже восемь, половину девятого.

– Кажется, совсем не придет сегодня вечером, – подумал он и собрался уже идти домой, как вдруг Маша открыла дверь во двор и внимательно посмотрела кругом. Придорожник спрятался в тени деревянной стены. Было уже темно. Маша быстро прошла через двор, у ворот ее кто-то встречал. То был весовщик Клопов. Он взял Машу под руку, и они оба, смеясь, пошли по рельсам. Придорожник вздрогнул. Какая-то сила погнала его. Он последовал за обоими. Пришлось тихо и медленно ползти за ними, зато были слышны отдельные фразы из их разговора.

– Где же ты была так долго? – спросил Клопов.

– Да, милый, мне не хотелось встретиться с этим вшивым Придорожником... Ждала, пока он уйдет... Не знаю, как избавиться...

– Ах, этот!.. Он же ненормальный!.. – сказал Клопов.

Придорожник не хотел верить своим ушам: так говорила Маша – о нем! Значит, правда все то, что Фекла Демидовна сказала? Значит, его просто водили за нос!

Теперь бы повернуться, махнуть рукой и идти домой, радоваться: хорошо, что эта шутка так быстро выяснилась и не так много стоила. Нет! Придорожник чувствовал себя затронутым в самых святых чувствах! Страшная злоба заняла его всего. Он хотел видеть, что там еще произойдет.

Они вышли из города.

– Куда они идут? Придорожник следовал за ними по последней улице, в конце которой начинался запущенный сад. Он должен был держаться в отдалении, поэтому их разговора он не слышал. Они вошли в сад. Придорожник пошел вдоль забора, перелез через него и пошел по другой стороне, им навстречу, скрываясь за кустами. В одном месте, на пригорке, они уселись, Придорожник лег на краю пригорка и, затаив дыхание, слушал.

Он слышал все те милые слова, какие охотно слышал бы от нее, слышал их поцелуи. Этого было недостаточно. Клопов был не из боязливых и брал все,

что можно было взять. Придорожник слышал страстное дыхание Маши. Он не мог больше терпеть и выскочил с криком:

– Это он!.. Шпион!.. Шпион!.. Бей его!..

Клопов поднялся и бросился на Придорожника. Разгорелась борьба. Придорожник чувствовал в себе двойную силу. Он бил Клопова, как безумный, чувствовал на ладонях его теплую кровь. Храпя, они пытались повалить один другого на землю. Маша вскрикнула и вскочила на ноги. При лунном свете она увидела Придорожника и с передернутым от злобы лицом вскрикнула: «Мишка! Бей этого вшивого!».

Клопов заохал и чуть не упал. Но вот Маша подскочила ему на помощь и когтями вцепилась в волосы Придорожника. Через мгновение он очутился на земле, а Маша била его ногами.

Как Придорожник добрался до дома, этого он не помнил. Хозяйка, увидев его, испугалась – он был весь в крови, одежда на нем была разорвана. На другое утро, придя в сознание, Придорожник с трудом мог рассказать, что на него напали хулиганы и побили. Всю эту историю пускать в свет он не хотел: было стыдно. Он надеялся, что ни Клопов, ни Маша ничего не расскажут. Так оно и было.

Придорожник одну неделю пролежал в кровати. И когда после того пришел работать на станцию, рассказал о нападении хулиганов... Все ему поверили. А Маши на станции больше не было. Она ушла уже четыре дня назад – так ему рассказали.

– Испугалась, дрянь, – думал Придорожник.

Сердце у него было как растоптанное. Более ни одного яркого чувства там не появлялось. Всюду болело. И заживало очень медленно. Придорожник еще больше замкнулся в себе, стал еще более хмурым. После такого сильного переживания выздоровление проходило медленно и вместе с выздоровлением появлялось беспредельное недоверие ко всем и ко всему.

– Ну, вот, такой я, – как серый камень. Ему ни тепло, ни холодно – разбивай его на куски – не буду кричать.

Как автомат он выполнял свои обязанности, выкрикивая:

– Не толкайтесь! Становитесь в очередь! В Марановичи! В три и пять! На Парановичи! В пять двадцать!

Так он выкрикивал без каких-либо мыслей. Шли однообразные дни. Прошло лето, пришла и прошла осень, также и зима.

Жил Придорожник на той самой квартире, но Фекла Демидовна редко могла от него какое-нибудь словечко добыть. Придорожник сидел, слушал, как она говорила, но на ее вопросы только мычал. Иногда как-то странно улыбался неизвестно чему.

Фекла Демидовна скоро после этого случая поняла, что за избиванием Придорожника стоит Маша. Она видела, что между Придорожником и Машей все кончено, но из жалости к Придорожнику ее имени никогда не упоминала. И это Придорожнику нравилось.

Однажды Придорожнику сообщили, что ему прибавлено пять рублей к жалованью. Он посмотрел на сообщившего как бы не понимая, и, ничего не ответив, вышел. Ему было безразлично – прибавят ему пять рублей или отнимут. Жил впроголодь, потому что часто

забывал поесть, поэтому денег у него оставалось больше, чем раньше. Он их бросал в угол своего шкафчика, совсем не считая. И дарить тоже никому больше ничего не дарил.

Когда однажды маленький Гриша, сынок хозяйки, к нему зашел и начал рассказывать, какую красивую лошадь он в магазине игрушек видел, Придорожник поднял брови до самых волос и резко спросил: «А розог не хочешь?».

Гриша испугался и быстро ретировался.

Товарищи, которые и раньше не особенно любили Придорожника, теперь его ненавидели только потому, что он такой, сам по себе, и смотрит на них сердито, и дорогу не уступает, когда встречается. Придорожник чувствовал – в то время, как его чувства бледнели, физическая сила увеличивалась. Начальство Придорожнику никаких упреков не высказывало: все, что от него требовали, он выполнял.

Со временем в Придорожнике стало развиваться какое-то новое чувство – негромкое зубоскальство, такая горькая усмешка о людях, о самом себе. Ни одну свою мысль он не доводил до конца, про себя ругал всю мировую установку, всех мимо проходящих, самого себя – только самыми непристойными словами, всюду видел только нечистоплотность и подлость.

Ему хотелось издеваться над всем и всеми, хотелось делать людям неудовольствия и неприятности, хотелось самого себя дурачить, издеваться над собой, поносить себя.

Однажды он взял все свои сэкономленные деньги, несколько десятков рублей, и одну бумажку за другой стал бросать в печку. Бросая деньги, смеялся над тем, что они и гореть-то не могут ярко, как газета или бумага. Бросал в печку и спрашивал себя: «Больно? Нет, ничего не больно».

Когда все деньги таким образом были сожжены, он себя тихонько выругал: «Сволочь! У тебя даже ничего не болело!»

Когда Придорожник стоял на своем месте на платформе у большого колокола, он иногда думал:

– Марановичи... Варановичи... Парановичи... Градановичи. Черт их знает, даже название станций они не могут выдумать различные. Все одинаковые, только первые буквы отличаются. Идиоты! И разве, в конце концов, не безразлично, куда какой-то дурак уедет: в Варановичи, Парановичи или Марановичи... Как будто в Марановичах было бы иначе, чем в Варановичах... Очевидно, такие же дураки живут, и стоит при большом колоколе такой же невежда, как я!..

И Придорожнику хотелось выкинуть какую-нибудь шутку этим несчастным человечкам, как бы их обмануть, одурачить...

Но что же он может сделать?..

Если бы он, к примеру, сидел в телеграфной комнате, у аппарата, тогда бы он заварил какую-нибудь кашу с поездами... Достаточно, например, объявить, что поезд идет на Марановичи, когда надо было объявить – на Варановичи... Тогда бы на дороге произошло какое-нибудь столкновение. И он что-нибудь все-таки сделал бы, мог за собой осознать какую-нибудь подлость... А так – ничего... Ну, что он может сделать?.. Если кто-либо

спрашивает, где поезда на Варановичи, он скажет – у пятой платформы, уходит в семь одиннадцать. А на самом деле это не в Варановичи, а в Марановичи. Этот дурак-пассажир садится в марановичский поезд и едет какое-нибудь время, пока осознает свою ошибку... Это он может сделать... Но что с того?

И Подорожник начал так делать. Он специально путал поезда и платформы. Но ничего из того не получалось.

Только однажды один пассажир прибежал обратно, спросил вторично и выругался, что железнодорожный чиновник ничего не знает. Придорожник тогда приложил руку к козырьку и так ехидно-зубоскальски усмехнулся. Со временем уже никто у него ничего не спрашивал и не делали замечаний, видимо пришли к выводу, что у специально назначенного для объявления человека не стоит ничего спрашивать – он свое дело знает меньше всего. Да разве у человека, которому надо спешить, находится время пускаться в разбор мелких деталей?

Так Придорожник со временем начал ощущать свою работу менее значительной и все больше высмеивал себя. Однажды он выкинул такую шутку. Один высокий железнодорожный чиновник, который прибежал на третий колокол, запыхавшись, спросил, в какой поезд он должен сесть. Придорожник показал на первый ближайший, который шел в другую сторону. Чиновник сел в вагон и поезд вскоре после этого тронулся. Так как в тот день чиновник обратно не приехал, чтобы пересесть в свой настоящий поезд и отправиться в противоположную сторону, Придорожник логически решил, что он, очевидно, сразу после того, как вошел в вагон, заснул и доехал до самой Тулы.

– На этот раз будет шутка, – думал Придорожник, – шишка дело так не оставит. Придет запрос, начнется расследование, вся станция поднимется на ноги: что за беспорядок... не умеют ценить начальство, живут, как во сне...

И когда Придорожник увидел красную шапку начальника станции, про себя усмехнулся: «Вот идет ко мне!.. Вот будет цирк!..» Но начальник прошел мимо.

Шел день за днем. От высокого чиновника не было никаких вестей...

Придорожник ждал, с нетерпением ждал. Напрасно. Очевидно, чиновник плюнул и махнул рукой: «Разве моих людей научишь?».

Этот случай окончательно разрушил веру Придорожника в то, что он способен что-то совершить и что от него ничего не зависит.

Началась война. Вся страна была как бы на крыльях. Все шли бороться за самое святое! На лицах даже простых солдат была такая ясность и такое величие!

Придорожник ждал, не призовут ли его?

– Ведь возьмут же и меня, – думал он, – они, наверно, думают, что и я могу пригодиться... Как смешно!

Помощник начальника однажды потребовал военные документы Придорожника.

Через несколько недель он получил бумаги обратно и на вопрос, когда ему придется идти, услышал ответ, что он вместе с другими железнодорожниками, как нужные на своем месте, оставлен на своей прежней службе.

Придорожник укусил себя за руку, чтобы удостовериться, не спит ли он. Но помощник начальника станции стоял перед ним во всем своем величии. Значит, он не спит, значит, он нужен на своем месте. Он начал смеяться во весь голос.

– Радуетесь, – подумал помощник начальника станции.

Вскоре был назначен новый начальник железнодорожного движения. Он был гуманный человек и нашел, что железнодорожников надо вдохновлять на их работу разными поощрениями. Надо давать им отпуск, хотя бы небольшой, особенно тем маленьким чиновникам, которые это поощрение долгое время не смогут забыть. Но на самом деле железнодорожный начальник меньше всего думал о благосостоянии своих служащих. Он думал о том, как самому выдвинуться, чтобы показать своим подчиненным, что он о них заботится.

И вот в один прекрасный день Придорожнику было предложено на три-четыре дня поехать к родственникам в гости.

– К каким родственникам? – удивился Придорожник.

– Разве же у тебя нет родственников, хотя бы в деревне? – спросило начальство.

– Нету, нету, – коротко ответил Придорожник.

Начальство рассердилось.

– Ну, если нет, так нет... И если ты не хочешь использовать отпуск, тем лучше. Будут другие, кто охотно использует отпуск.

Но тут у Придорожника пробудилось упрямство.

– Нет, я вспомнил, – сказал он, – у меня есть родственники и мне как раз необходимо к ним съездить.

– Дурак ты, – сказал начальник. – Ты сам не знаешь, чего хочешь.

Сплюнул и подписал Придорожнику трехдневный отпуск, добавив при этом: «Попроси выписать бесплатный билет!»

Придорожник долго думал, куда бы он смог поехать? Не было такого места, которое его могло заинтересовать.

– Я им просто так не подарю эти три дня! – смеялся он. – Проспать дома и никуда не ехать? – но опять крутилась в голове мысль, – Я же им не подарю эту дорогу! Тула – далековато, Москва – далековато, и что я там найду? Варановичи Барановичи, Парановичи, Градановичи... Иди ты, узнай... все звучит одинаково.

Придорожнику все же больше всего понравилось название «Варановичи».

– Как там могло выглядеть? – подумал он, – Ну, съездим, посмотрим, как выглядят Варановичи... – И он попросил выписать себе билет на Варановичи.

– Кто это у тебя, Игнат, в Варановичах? – спросил Придорожника знакомый конторщик, выписывая билет.

– Родственники, – сумрачно ответил Придорожник, – белой кобыле в третьем поколении.

С этим простым конторщиком он смел быть грубым.

Настал день отъезда. Когда Придорожник сказал хозяйке, что он на три дня уезжает, та от удивления только руками всплеснула.

– Жену искать, – резко усмехаясь, добавил Придорожник.

Это был первый раз после долгого времени, когда Придорожник хозяйке намекнул на эту тему.

Фекла Демидовна охотно с ним на эту тему поговорила бы, у нее никогда не было недостатка в советах, но Придорожник только махнул рукой и ушел.

В одном магазине он купил кусок сыра и колбасу, сунул в карман и пошел на станцию. Увидел там первый поезд на Варановичи. Он ждал, появится ли у него какое-нибудь иное чувство, когда сидишь в вагоне сам как пассажир, с билетом в кармане. Не было! Когда проходил незнакомый ему кондуктор, он спросил, сколько верст до Варановичей, у знакомого он постыдился бы спросить.

– Сто шестьдесят.

– Ого, хороший кусок! – подумал Придорожник. Так далеко от своего родного города Придорожник еще никогда не отлучался. Но на дальнейшие рассуждения это обстоятельство его не побудило. Он только высчитал, что времени достаточно, чтобы поспать. Он залез на верхнюю полку и пролежал до самых Варановичей. Проснулся именно в тот момент, когда кондуктор, проходя через вагон, объявил – Варановичи.

Выйдя на платформу, Придорожник увидел красивое станционное помещение, почти такое же, как и в его городке. По обе стороны тянулись различные сараи, склады. Надо было выбрать, в какую сторону идти. Придорожник пошел направо. Он надеялся увидеть хорошие дома, широкие мощеные улицы, по которым рядами продвигались повозки, а автомобильные трубы раздирали шумом уши. Так в его воображении представлялся большой город. Но перед ним была улица с двухэтажными и трехэтажными домами, достаточно красивая, но не совсем такая, как в его городке.

Это не может быть городской центр.

– Как можно было бы попасть в город? – спросил Придорожник у проходящего мимо простого человека.

– А куда вам? На дачи или в сам город?

– Ну, на дачи.

– Тогда вам надо идти только вперед!

Придорожник шел, шел. По дороге попадались вывески: «Продажа материального товара», «Хлебопекарня», «Здесь можно получить кипяток», «Брею и стригу волосы», Московский парикмахер К. Колтунов». Попался на глаза один кинематограф.

Чем дальше Придорожник шел, тем реже становились дома и тем чаще попадались сады, в них тоже были дома, только больше деревянные.

Придорожник вспомнил, что в Варановичи обычно ехали изысканные господа, у которых всегда было с собой много багажа. Весной уезжали, а осенью возвращались.

– А, значит здесь какое-то изысканное место в зелени, – подумал Придорожник.

Виды не менялись: всюду те самые сосны, похожие друг на друга дома в соснах. Ни гор, ни холмов, ни озер, где плавают лебеди, такие, каких Придорожник видел на картинках. Бегают дети и взрослые, лают собаки, дымят самовары. В одном месте даже паслись коровы. Придорожник зашел глубже в сосны. Он чувствовал себя немного уставшим и решил сесть на траву, отдохнуть, поесть колбасы и сыра.

Все вокруг имело серую окраску: небо затуманилось, пошел дождь, но скоро перестал. Казалось, что хвоя теперь пахла сильнее.

Придорожник ел свою колбасу и смотрел, как муравьи ползают. От этого занятия его отвлек чей-то голос:

– Добрый день, Бог в помощь.
– Спасибо, – поблагодарил Придорожник.
– Могу я присесть? – спросил пришедший мужчина с седой бородой.

– Милости просим!

Мужчина, кашляя, уселся и стал расспрашивать Придорожника, откуда он.

Придорожник сказал.

– Ого, как далеко! – удивился старик, – разве какие дела в Варановичах?

– Нет, приехал просто так, посмотреть.

Старик не поверил.

– Хоть однажды надо увидеть, что это за такие Варановичи, – выпалил Придорожник.

– Э, что там говорить! – махнул рукой старик, – Только и есть, что слава... Воды какие-то... Хе-хе-хе. Воды нашли. Что же это за воды?.. Раньше эти воды и собаки не пили, а если пили, то дохли... А теперь люди пьют и платят деньги!.. Обманывают только людей!.. Жулики такие!..

– Ах, значит, нет ничего! – смеялся Придорожник. И к нему пришла такая особая радость от слов старика.

– Что там говорить, бегут, едут неизвестно откуда. Как будто здесь какой-нибудь рай. Дураки такие!.. Не подумают, что ты ничего здесь не добьешься и не поймашь... А то не подумают, что всюду одинаково плохо... И только в небесных жилищах будет хорошо, – старик поднял голос.

Придорожнику старик понравился. Он рассказал, что живет неподалеку в деревне, пришел в город по делам, к начальнику земства.

Старик был плаксивый: плакал обо всем в мире. Придорожнику нравилось слушать. Они говорили на различные темы.

– Ложь, ложь, всюду в мире только ложь!.. Все жулики и мошенники. Недалек конец света. Женщины и дети, мужчины и старики, все из одного дерева высечены... Разврат и разложение!..

Старик рассказывал длинно и широко. Он сумел так прилепиться к сердцу Придорожника, что тот ему открыл все из своей жизни, рассказал о своих разочарованиях, о Маше. Так горько говорил Придорожник обо всем и о себе, с самой большой горечью.

Старик с ним согласился:

– Это правда, что ты говоришь: женщина из змей самая злая... И те, которые тебе в качестве господ поставлены, не достойны тебе развязать ремни на обуви.

И нет больше на земле спасения грешному роду человеческому...

– А ты знаешь что, – равнодушно сказал Придорожник, – я сегодня поеду обратно. Пролежу эти дни дома. Что я здесь буду делать? Чего я тут не видел? Стыдно самому себе, что неизвестно куда бежал, неизвестно что хватал!..

– Правильно ты говоришь, – сказал старик, – поезжай домой, сынок, нигде нет лучше, чем дома.

Он опять начал говорить что-то длинное. Глаза Придорожника закрылись, и все слилось в одно – старик, сосны и коровы вдали. Рядом с собой он видел старика и Машу. Они целовались, затем пришел Клопов. Маша вскрикнула, и Придорожник проснулся. Долго он спать не мог. Но все же сумерки наступили. Шел мелкий дождик. Старика не было. Придорожник поднялся, чтобы отправиться на станцию. Что он поедет, было решенное дело: что ему здесь искать?

Случайно Придорожник увидел на земле свой кошелек. Поднял его и посмотрел: он был пустым... Старик оставил самое лучшее подтверждение своим словам, что мир хитер. Придорожник не почувствовал жалости к деньгам. Даже злобы на старика не было, но что-то такое безобразно-липучее осталось на языке и на сердце.

Шел мелкий дождик.

У Придорожника был бесплатный билет на обратный путь. Но там, что будет там? Ему было безразлично.

Шел мелкий дождик.

Придорожник шел по улице в каком-то забытье.

Не было желанья ни уехать, ни остаться. Все безразлично. Но ехать надо, потому что есть билет. А на сердце пусто.

Шел мелкий дождь.

Вот уже рельсы.

Было темно. Он начал идти по рельсам, станции не было видно. С большой улицы казалось, что она близко. Или он шел уже по другой улице? Чудеса, но ведь все улицы такие одинаковые. Ему стало безразлично, то ли он идет на станцию, то ли со станции.

Впереди был как будто угол леса. За ним что-то пыхтело! Пусть пыхтит! Он просто шел.

Невдалеке блеснули два больших глаза.

– Ага, поезд!

Разве Придорожник шел на него, а может от него?

Как бы то ни было, но раздался слабый крик. Затем какой-то призыв, шум, возня, свисток.

Просто завершилась простая жизнь.